

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА (на материале цикла «Сказки и были Безлюдных пространств»)¹

В статье рассматриваются особенности создания образов персонажей литературных сказок Владислава Крапивина, сходство и различия героев крапивинской и фольклорной сказки, функции волшебных персонажей и особенности структуры пространства и времени. Среди основных отличительных черт сказок Крапивина выделяются психологическая разработка характеров персонажей, наличие особенного, необычного героя, присутствие волшебных персонажей и волшебного мира Безлюдных пространств, выступающих в качестве противовеса реальному миру.

Ключевые слова: литературная сказка, фольклорная сказка, Владислав Крапивин.

Современные исследователи поднимают проблему жанрообразования повестей В. П. Крапивина, т.к. нет четкой границы между реалистическим и фантастическим творчеством писателя. Многие произведения Крапивина, условно обозначаемые как фантастические, исследователи (Н. Ю. Богатырёва, Л. В. Овчинникова, М. Н. Липовецкий, О. С. Левченкова, М. Борисов и др.) относят к жанру литературной сказки. Многочисленные случаи упоминания жанрового обозначения «сказка» в заглавиях циклов произведений Крапивина («Летающие сказки», «Сказки капитанов», «Сказки и были Безлюдных пространств») говорят о сознательном обращении автора к этому жанру. Сам автор называет такую причину своего обращения к сказочному жанру: «Иногда я могу полнее выразить нужную мне идею именно в сказке. В реальном повествовании не всегда удаётся поставить героя в такие обстоятельства, где наиболее полно выявится его характер. А в сказке — я хозяин этих обстоятельств» [8].

На примере цикла «Сказки и были Безлюдных пространств» (в который включены такие произведения, как «Дырчатая Луна» (1993), «Самолёт по имени Серёжка» (1993), «Лето кончится не скоро» (1994), «Взрыв Генерального штаба» (1996), «Бабушкин внук и его братья» (1997), «Полосатый жираф Алик» (другое название: «Трава для астероидов») (1998), «Лужайки, где пляшут скворечники» (1998), «Гопот шахматных лошадок» (2005), «Ампула Грина» (2007)) мы попробуем выявить основные особенности литературной сказки В. П. Крапивина.

Изучением литературной сказки, её поэтики и истории, её связи с фольклором, особенностей её структуры и художественного мира занимаются многие современные литературоведы (Т. Г. Леонова, М. Н. Липовецкий, Л. В. Овчинникова, Л. Ю. Брауде, М. М. Мещерякова, В. А. Бегак, И. В. Цикушева, Н. Ю. Богатырёва и др.). Единого определения литературной сказки не существует. Наиболее полным, на наш взгляд, является определение А. Б. Бритаевой: «литературная сказка — это многовариантный жанр художественного словотворчества, произведение с фантастическим сюжетом, оригинальной авторской концепцией, основанное на синтезе фольклорных и литературных традиций и преследующее этико-эстетические цели» [2]. Так, исследователь делает акцент на фантастическом сюжете, объединении в литературной сказке элементов различных жанров и направленности произведений данного жанра на этико-эстетическое воспитание. Автор нескольких трудов по данной теме Л. В. Овчинникова формулирует термин как многожанровый вид литературы [9, с. 10–11]. По мнению многих исследователей, литературная (или авторская) сказка — это совершенно уникальное видовое образование. Современная литературная сказка опирается не только на народную сказку и литературные сказки предшественников и «классиков» жанра — Г. Х. Андерсена, А. С. Пушкина

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 13-05-0031, реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г.

и др. В ней также используются идейные принципы и сюжетно-композиционные модели повести, философского романа, утопии, притчи, басни и других литературных жанров. По мнению И. В. Цикушевой, главными особенностями литературной сказки, в отличие от народной, являются следующие: существование только в письменной форме, многообразие произведений по тематике и пафосу, связь с реальной действительностью, психологизм героев, исключительность сюжета и композиции, образ автора и его отношение к происходящему, особенности стиля и языка писателя [11].

Современная сказка многое заимствует у фантастической повести, философской притчи. Часто сказки современных писателей, в том числе и В. П. Крапивина, отличаются стремлением выявить острые противоречия действительности, перейти от частного к общему, бытийному. Исследователь Н. Ю. Богатырёва отмечает, что в сказках современных писателей «сказочное всё более переплетается с повседневным, обыденным, привычное приобретает сказочные черты, а волшебное «обытовляется», а развитие действия определяется логикой развития характера, а не традиционным вмешательством волшебства» [1].

В современном литературоведении довольно подробно изучены жанрообразующие признаки литературной сказки, вопросы нравственной проблематики, воспитательного воздействия литературной сказки, связь данного жанра с произведениями научной фантастики. Но при этом вне поля зрения критиков остались проблемы психологической разработки характеров персонажей, философичность, социальная направленность. Эти характеристики расширяют границы жанра литературной сказки, делают ее отличной от сказки фольклорной.

Владислав Крапивин использует в своём творчестве основные принципы создания художественного мира литературных сказок: перенос конфликта в духовную сферу, отведение главной роли в сказке ребенку, психологическое обоснование волшебства, переплетение сказочного и реального, эволюция развития характера героя. В произведениях Крапивина часто встречаются элементы, характерные для фольклорной сказки. На роль главного героя выбирается мальчик, или социально обделённый, сирота или полусирота (живёт с матерью и отчимом), или слабый физически. В цикле «Сказки и были Безлюдных пространств» такие герои есть во всех произведениях: Лесь Носов («Дырчатая Луна») живёт с мамой и отчимом; Рома Смородкин («Самолёт по имени Серёжка») тоже живёт с мамой и отчимом, и, более того, у него парализованы ноги — он не может ходить; Шурка Полушкин («Лето кончится не скоро») после смерти матери, трагической гибели отца, страшной жизни в детдоме живёт с малознакомой дальней родственницей. Выбор такого главного героя традиционен и для народной сказки. Более того, крапивинские герои часто в начале произведения совсем не выглядят героями, а наоборот, терпят лишения, насмешки, их не понимают и не принимают одноклассники, и только к концу произведения они становятся людьми, достойными уважения, что указывает на их сходство с героями фольклорной сказки (Иванушка-дурачок, Емеля). Так, главный герой романа «Бабушкин внук и его братья» Алька Иволгин в начале произведения терпит издевательства со стороны одноклассника и его компании, но в дальнейшем герой находит настоящих друзей.

Персонажи крапивинских сказок часто похожи, выполняют одни и те же функции: положительный герой-ребёнок — поступает по-своему, если уверен в своей правоте, борется с несправедливостью, умеет дружить по-настоящему; положительный герой-взрослый — защищает детей, сочувствует им; отрицательный герой — обязательно стремится к мещанскому уюту, достатку, ненавидит жизнерадостных и независимых детей и всячески мешает им жить. Многие критики обвиняют Крапивина в повторяемости, указывая на однотипность его героев. Но, на наш взгляд, эта повторяемость не является недостатком писателя, а даже наоборот, придаёт его произведениям определённое своеобразие, и является ещё одним сходством его сказок с фольклорными. Повторяющийся, типичный герой связывает вместе различные произведения. В. Я. Пропп в своей работе «Морфология волшебной сказки» отмечает, что «повторяемость функций при различных исполнителях уже давно замечена историками религии в мифах и верованиях, но не замечена историками сказки. Подобно тому, как свойства и функции богов переходят с одних на других и, наконец, даже переносятся на христианских святых, точно так же функции одних сказочных персонажей переходят на другие персонажи. Забегая вперед, можно сказать, что функций чрезвычайно мало, а персонажей чрезвычайно много. Этим

объясняется двоякое качество волшебной сказки: с одной стороны, ее поразительное многообразие, ее пестрота и красочность, с другой — ее не менее поразительное однообразие, ее повторяемость» [10, с. 19].

Герои фольклорных сказок чаще всего статичны, а характер крапивинских героев читатель видит в развитии, герой меняется, борется со своим страхом, малодушием. «По натуре своей я — трус, никуда не денешься», — говорит Алька в самом начале романа, и эту фразу он повторяет неоднократно. Герой сказок Крапивина склонен к рефлексии, к размышлениям о собственном характере: «Наверно, я просто подлый человек. Не снаружи, а в самой своей глубине. Во мне сидит сгусток Озма, никуда от этого не денешься. Даже и когда я не хочу ничего плохого, получается плохо. Само собой получается...» [6]. Такие размышления говорят о том, что герой не хочет быть ни трусом, ни подлецом, старается перебороть свой страх и справиться со своими недостатками, что отличает крапивинского героя от героев фольклорных сказок, которые обычно не размышляют о совершённых ими поступках.

Так же, как и в фольклорных сказках, в сказочных произведениях Крапивина герой сталкивается с необычными, фантастическими персонажами, которые в соответствии с общепринятой в литературоведении классификацией могут быть названы «помощниками» главного героя, «дарителями» или «вредителями». Во всех сказках Крапивина сказочный, «фантастический» мир существует как противоположность, противовес миру реальному, который всегда оказывается миром зла, «озверелым миром» [6].

В цикле «Сказки и были Безлюдных пространств» таких персонажей множество. К «помощникам» относятся такие фантастические существа, как чуки:

«— А е-ли з-десь глуб-бо-ко?

— Чуки помогут.

— К-кто?!

— Чуки! Живут здесь такие существа. Болотные. Похожи на пеньки с кудлатой шерстью.

Они добрые...»

Колдун по имени Старик тоже относится к «помощникам»:

«— Не думаю... Мне кажется знаешь что? Скорее всего, Старик это все и подстроил.

— Зачем?!

— Ну... решил помочь тебе, а открыто это делать не хотел» [5].

Странных жителей Безлюдных пространств, называющих себя «сомбро» («Лужайки, где пляшут скворечники») можно также назвать «помощниками» главного героя — маленький «сомбро» по прозвищу Зонтик помогает главному герою Артёму найти дорогу в Город, чтобы принести лекарство для умирающей девочки:

«Зонтик нетерпеливо топтался в подорожниках. В руках его был мятый листок.

— Давайте скорее... Пойдете до церкви, потом вдоль Ботанической решетки, к разваленной водокачке, а как дальше — я начертил. Вот...» [5].

Из волшебных «вредителей» в данном цикле можно выделить только шкыдл: «А еще есть шкыдлы. Вроде громадных водяных крыс или маленьких кенгуру. У них вместо передних лап ручки, как у мартышек. Ух, зловредные эти шкыдлы и хитрые! Чуки с ними всю жизнь воюют...» [5]. Чаще «вредителями» у Крапивина оказываются не волшебные существа, а злые и вредные люди.

Учёного Гурского из повести «Лето кончится не скоро», тоже можно отнести к фантастическим персонажам: он с другой планеты и обладает сверхъестественными способностями. Но нельзя однозначно сказать, является ли он «дарителем» («подарил» главному герою Шурке Полушкину новое сердце — рыбку, как у жителей его планеты), или правильнее считать его «вредителем» — помогая Шурке, он преследовал свои корыстные цели.

М. Липовецкий в статье «Чтоб сильнее стала сказка» пишет: «В народных сказках всегда было Кощеево Царство, был полюс сказочного зла» [7]. В сказках Крапивина таким «Кошеевым Царством» оказывается реальный мир, окружающий главных героев. Герои уходят от этого мира — в Безлюдные пространства («Самолёт по имени Серёжка», «Лужайки, где пляшут скворечники», «Дырчатая Луна»), в Завязанную рощу («Бабушкин внук и его братья»), на Бугры («Лето кончится не скоро»), в вольный город Инск («Амбула Грина»), в Институтские дворы («Топот шахматных лошадок»). Все эти загадочные места можно назвать Безлюдными

пространствами, или пространствами Добра. С одной стороны, это пространства, в которые не может проникнуть никакое зло. Но с другой, они напоминают загробный мир — очень часто двойное прочтение произведений Крапивина не даёт понять до конца, погибли герои, живущие в Безлюдных пространствах, или нет (Кей, Зонтик («Лужайки, где пляшут скворечники»). Можно сказать, что Безлюдные пространства — символ связующего звена между людьми, там могут встретиться люди даже из разных миров. Если герой не может спастись от «озверелого мира» даже в этих пространствах добра, то он уходит на Дорогу. В целом, волшебные персонажи, живущие в Безлюдных пространствах, чаще всего оказываются персонажами положительными: даже если они и не оказывают главным героям явной помощи, то всё равно относятся к ним дружелюбно (Домовой Лихо Тихонович, говорящий лягушонок Федя («Топот шахматных лошадок»), домовой Квася («Бабушкин внук и его братья»), огромный кузнечик Велька («Дырчатая Луна»), рыжий заяц Евсейка, живые скворечники («Лужайки, где пляшут скворечники»)).

Практически во всех произведениях цикла (и в некоторых других произведениях данного автора) существует некоторый необычный персонаж. Это мальчик, обладающий какими-либо сверхъестественными способностями и всегда имеющий непосредственное отношение к Безлюдным пространствам, знающий их лучше, чем все остальные. В романе «Бабушкин внук и его братья» это пятилетний Николка, который знает дорогу в Завязанную рощу и видит многомерность пространства: «Я вспомнил, как вез на раме малыша Николку и как волосы его пахли скошенной травой. И как он спросил: “А ты знаешь, что этот забор на самом деле поезд?” Я не удивился Николкиному вопросу. Понял, что Николке известны странности мира так же, как и мне» [6].

В повести «Лето кончится не скоро» таким персонажем является фантазёр Кустик, рассказывающий друзьям сказки о параллельных мирах, которые ему нащёптывают «космические голоса». В повести «Самолёт по имени Серёжка» мальчик Серёжка умеет превращаться в самолёт и знает дорогу в Безлюдные пространства и параллельные миры. Владик Пташкин по кличке Птаха из романа «Топот шахматных лошадок» умеет неожиданно исчезать и, видимо, летать (хотя никто не видел Птаху в полёте). В повести «Ампула Грина» тоже есть необычный мальчик по прозвищу Лыш, который дрессирует летающие стулья, умеет говорить на несуществующем языке и обладает множеством других сверхъестественных способностей.

Такой герой, как и герой народной сказки, имеет некую власть над временем и пространством, он способен управлять временем, ставя при этом высокие и благородные цели (например, воссоединение с близкими, друзьями, помощь друзьям). Победа над временем и в сказках Крапивина, и в народных волшебных сказках часто является победой и над смертью. Крапивинские герои наделены особым восприятием действительности. У них обострённое восприятие пространства и времени, они осознают многомерность пространства: «Еще в дошкольные годы я стал понимать, что у одной и той же вещи может быть множество видов и свойств. Я знал, например, что переднее колесо у велосипеда рыжего мальчишки Вадика — колесо только в здешнем, ближайшем мире. А в соседнем оно — круговертящаяся толпа на рыночной площади. А еще — плоская спиральная галактика в чудовищно отдаленном космосе (отдаленном и в то же время очень близком — рукой можно дотянуться). <...> Когда рыжий Вадик впелся на велике в гараж и в колесе полетели спицы, рынок на площади прикрыли и перенесли за город. А что там стало с далекой галактикой, не знаю. Надеюсь, что обошлось. В конце концов, колесо-то Вадик починил...» [6].

В «Сказках и былях Безлюдных пространств» реальная жизнь тесно переплетается с выдумкой, фантастикой, а иногда провести между ними границу вообще невозможно. Необыкновенные герои Крапивина живут в самом обыкновенном мире, принося своим существованием в этот мир добро. Главный герой крапивинских сказок сам не всегда обладает сверхъестественными способностями, но всегда тонко чувствует эти способности, эту необычность в других.

Так, «необычный» крапивинский герой становится основным маркером сказочной традиции в творчестве Крапивина. Для крапивинских сказок, в отличие от фольклорных, характерна эволюция героя — на протяжении всего произведения герой меняется, совершенствует свой

характер. Также крапивинского героя от героя волшебных фольклорных сказок отличает способность к рефлексии, склонность к философским размышлениям о мире и о своём собственном характере. Необычность крапивинского героя в том, что, являясь, по сути, самым обычным ребёнком, он в то же время обладает такими свойствами, которые позволяют ему жить будто бы одновременно в двух мирах: в обычном реальном мире, окружающем его, и в мире сказки — в мире Безлюдных пространств, где для него возможно практически всё.

Таким образом, своеобразие литературных сказок В. П. Крапивина заключается в психологической разработке характеров персонажей, наличии необычного героя, обладающего сверхъестественными способностями, обязательном присутствии волшебных, фантастических персонажей, являющихся помощниками главного героя, и существующих как противовес реальному миру, который всегда выглядит как мир зла, и особенной, «многомерной» структуре пространства и времени. Эти особенности расширяют границы жанра литературной сказки, делают сказки Крапивина философскими и многоплановыми.

Список использованной литературы:

1. Богатырёва Н. Ю. Литературная сказка В. П. Крапивина: Жанровое своеобразие и поэтика: Автореферат диссертации кандидата филологических наук / Н. Ю. Богатырёва. — Москва, 1998.
2. Бритаева А. Б. Литературная сказка: Проблема дефиниции // Известия СОИГСИ. — 2011. — Вып. 6 (45) — С. 63–68.
3. Крапивин В. П. Ампула Грина / В. П. Крапивин. — М.: Эксмо, 2007. — 416 с.
4. Крапивин В. П. Топот шахматных лошадок / В. П. Крапивин. — М.: Эксмо, 2006. — 603 с.
5. Крапивин В. П. Сказки и были Безлюдных пространств / В. П. Крапивин. — М.: Эксмо, 2004. — 864 с.
6. Крапивин В. П. Собрание сочинений. Книга 18. Бабушкин внук и его братья / В. П. Крапивин. — М.: Центрполиграф, 2001. — 473 с.
7. Липовецкий М. Чтоб сильнее стала сказка...: Традиции романтической сказки в современной детской литературе // Детская литература. — 1987. — № 5. — С. 22.
8. Литературная Россия. — 1987. — № 1. — С. 20.
9. Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века (история, классификация, поэтика). — М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ, 2001. — 311 с.
10. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. — М.: Лабиринт, 2006. — 512 с.
11. Цикушева И. В. Жанровые особенности литературной сказки (на материале русской и английской литературы) // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2008. — № 1. — С. 21–24.

Peculiarities of Characters Creation in Vladislav Krapivin's Literary Fairy Tales (Based on the Cycle «Tales and True Stories of Desolate Spaces»)

The article deals with the peculiarities of creation of characters in Vladislav Krapivin's literary fairy tales, the similarities and differences between the characters of Krapivin's tales and folk tales, functions of magical characters and the peculiarities of the structure of space and time. Among the key features of Krapivin's fairy tales the following features are highlighted: psychological development of the characters, the presence of a special, unusual character, the presence of magical characters and magical world of the Desolate spaces, acting as a counterweight to the real world.

Key words: literary fairy tale, folk tale, Vladislav Krapivin.